Подаєтья російською мовою

"В Полтаве на площади, рядом с собором, стоит невзрачное двухэтажное здание, казарменного вида, окрашенное в желтую краску и ничем особенным не обращающее на себя внимания; даже местные жители по большей части не знают, что это место составляет одну из исторических достопримечательностей Полтавы. Старожилы говорят, что здесь было когда-то дворище гетмана Мазепы, где он останавливался, когда ему случалось приезжать из своего Батурина в Полтаву. Впрочем, от дома и усадьбы, наверное, не осталось ничего, и здание казарменного вида лишь стоит на этом драматическом месте. Но над ним все-таки веет старая история, многим и теперь еще не дающая покоя.

В той же Полтаве на одном из бульваров стоит памятник поэту Котляревскому. Котляревский не имел ничего общего с Мазепой, кроме языка. Он — автор "Наталки Полтавки", пользующейся широкой популярностью далеко за пределами Украины, и "Энеиды", которую часто цитируют даже люди, не знающие украинского языка и страшно коверкающие самое произношение. Котляревский был некрупный и, конечно, для своего времени вполне благонадежный чиновник, заслуги которого в скромной мере поощрялись русским правительством. Но в его сердце горела любовь к украинской "мужицкой" речи. Он первый стал писать на языке, на котором говорило население целого края, но у которого не было письменности. Он сделал этот мягкий, выразительный, сильный, богатый язык языком литературным, и украинская речь, которую считали лишь местным наречием, с его легкой руки зазвучала так громко, что звуки ее разнеслись по всей России. На ней впоследствии пел свои песни и кобзарь Шевченко.

Благодарная Украина — по инициативе полтавского самоуправления — воздвигла поэту памятник, с надлежащего, конечно, разрешения начальства. Высшее начальство в то время ничего не имело против благодушного, по-украински сентиментального и по-украински же

шутливого ("жартобливого") поэта, написавшего такие милые и вполне безобидные веши. И памятник был разрешен. Полтава стала центром этого торжества украинской речи, на которой говорят миллионы людей в России и... в Австрии. Совершенно понятно, что на торжество потянулись в скромную Полтаву представители украинской интеллигенции из-за рубежа. И из приехавших в Полтаву "иностранцев", наверное, ни один человек не вспомнил, что, кроме памятника Котляревскому, в Полтаве есть и другая достопримечательность: место мазепинского дворища...

И это, конечно, потому, что для всех на первом плане стоял Котляревский, отец литературной "украинской мовы", на которой говорят и они. И если там, за рубежом, они успели противостоять "онемечению" или "ополячению", то этим обязаны в значительной степени корифеям русского украинского слова. Они жили в чужих пределах, но метрополией своей культуры считали нашу Украину. Таким образом, русская Полтава стала центром интеллектуального паломничества галицкой интеллигенции, говорящей, пишущей, учащейся и учащей по-украински. Если кто имел основания досадовать на это обстоятельство, то разве австрийские "политики". Нам это нимало не вредило, а с известной точки зрения могло быть только на руку.

Оказалось, однако, что многие проницательные люди спохватились. Это именно те, для кого старые фантастические призраки, носящиеся ни для кого незаметно над старым мазепинским дворищем, имеют суеверно пугающее значение. И вот, перед огромным и положительным фактом интеллектуального единения они остановились с подозрительным шипением:

— На сем языке говорил проклятый Мазепа.

Правда, на сем же языке говорили и Кочубей с Искрой, на сем же языке говорят миллионы людей, ведущих скромную трудовую жизнь под соломенными стрехами, которые знают (может быть, не всегда

достаточно отчетливо) Шевченка и для которых имя Мазепы является лишь отзвуком чего-то проклятого и пугающего, но лишенного всякого другого реального значения. И все же шипение внесло двойственность и смуту в интеллектуальное торжество и вместо хорошего праздника повело к "скверному анекдоту" и скандалу.

Это было в 1903 году. Устройство торжества взяла на себя дума города Полтавы. Открытие памятника должно было сопровождаться заседанием в городском здании имени Н.В. Гоголя, в театральном помещении. Разумеется, на празднике слова должны были произноситься речи. Можно было предвидеть, что на празднике украинского слова и речи будут украинские. Не надо было быть пророком, чтобы это предвидеть, и не надо было быть мудрецом, чтобы вынести вперед единственно разумное решение. Но... местные представители бюрократии, которым пришлось решать этот деликатный вопрос, оказались застигнутыми врасплох и стали действовать по закулисным вдохновениям. Губернатор, кн. Урусов, был в отпуску. Должность его фактически выполнял вице-губернатор. Ироническая судьба пожелала, чтобы эта роль выпала на долю потомка знаменитого писателя, и тоже литератора, г-на Фонвизина. Г-н Фонвизин присутствовал официально на открытии памятника и купно с городским головою Трегубовым лично сдернул завесу с бронзового бюста. Но затем он "благоразумно" удалился, чтобы не проявить излишнего участия в чествовании памяти поэта, писавшего на "языке Мазепы". Председательствовал в торжественном заседании городской голова Трегубов, который огласил при этом приветствие отсутствующего кн. Урусова.

Городской голова Трегубов был человек почтенный, но до комизма бесхарактерный и трусливый. Он, как говорится, "смотрел из рук администрации" и покорно выслушивал неофициальные приказы, хотя бы отдаваемые шепотком. Вице-губернатор "шепнул", что украинские речи для русских подданных неудобны и с таким напутствием благословил беднягу председательствовать и запрещать украинский язык на празднике украинского поэта, — нелепость, на время

доставившая бедному городскому голове комическую известность далеко за пределами России. За что же в самом деле ставят памятник Котляревскому? И для чего было разрешать это преступное торжество?

Хитрый вице-губернатор "завел" бедного городского голову, как органчик, а сам скрылся за кулисы. Дальше все разыгралось так, как и должно было разыграться. Первыми прочитали свои приветствия зарубежные представители разных просветительных обществ украинской Галиции. Эти приветствия были на украинском языке и сошли благополучно. Галичане говорили плавно, красиво и свободно. Было видно, что за рубежом, в Австрии, речь Котляревского и Шевченка давно уже стала орудием публичного, научного и политического слова, орудием культурной (борьбы за самостоятельность одного из славянских племен под натиском иноязычной культуры. Но... лишь только та же украинская речь раздалась из уст наших, российских, а не австрийских, украинцев, городской голова с перекошенным от испуганного усердия лицом, сославшись на какой-то никому не известный приказ администрации, тотчас же запретил чтение адресов. Началась дикая сцена: один за другим выходили представители разных просветительных учреждений и групп русской Украины с готовыми адресами на украинском языке, начинали чтение, и... тотчас же бедный манекен, плясавший по ниточке администрации, прерывал его и повторял шаблонную запретительную формулу. Один из ораторов произнес бурную речь, отметив печальную роль этого представителя общественного учреждения, и швырнул на стол пустую папку, — самый адрес, написанный на "запрещенном" языке, он предварительно и демонстративно вынул. Вместо торжества, вышла печальная трагикомедия. Выходило таким образом, что язык Котляревского и Шевченка, привлекший в русскую Украину зарубежных паломников, законен только в Австрии. На своей родине, у своей колыбели он запрещен. Распоряжением полтавской администрации он оказался высланным в административном порядке в Австрийские пределы, без права возвращения в русское отечество Этот грубый и дикий эпизод как бы говорил представителям зарубежной интеллигенции: вы считаете нашу Украину метрополией и центром вашей культуры и вашей речи,

Мы этого не желаем; пусть он остается у вас, за рубежом, пусть лучше все наши украинцы, ценящие сокровище родной речи, паломничают к вам во Львов, к вашим школам музеям и университетам. А у себя мы этого не допустима Мы лучше создадим новый признак "неблагонадежности" и "измены" и применим к ним привычную политику родного Мымрецова, станем и здесь "тащить" и "не пущен Мы ставим памятник Котляревскому лишь по недосмотру Мымрецова. Но отныне за постановкой памятника, — язык Котляревского лишается права въезда в наши пределы и навсегда остается "зарубежным".

В свое время полтавская городская дума, состоявшая из элементов далеко не исключительно украинских и никогда не помышлявшая о какой бы то ни было оппозиции, — постановила (и, кажется, единогласно) обжаловать распоряжение полтавской администрации. Разумеется, жалоба ничего уже поправить не могла: делегаты разъехались, увозя с собой неумную мораль печального праздника. Но все же жалоба полтавской думы пошла в сенат и...года через два последовал сенатский указ, признавший административную высылку языка, на котором писал Котляревский, незаконной. Бывают такие яркие нелепости, которые могут сколько угодно стать фактами, но санкционировать их правовым актом все-таки невозможно. Права украинского языка как будто были признаны, и о сем полтавской думе было официально объявлено. Но... если иным нелепостям трудно придать разумную правовую формулировку, то все же это не мешает им пребывать в области фактов. История далеко не всегда разумна и не всегда строится по законам здравого смысла. Поэтому случилось как-то так, что впоследствии, когда пришлось навести справки по этому предмету, то, как говорят, сенатский указ превратился в гоголевскую "пропавшую грамоту". Он несомненно был. Он был оглашен в газетах, и о нем стало широко известно во всей Россия. Но затем какими-то неведомыми путями он исчез. Тот же Трегубов, — вероятно, опять пи внушению администрации, — не решился огласить указ сената в заседании думы, и жизнь опять шла своими нелепыми путями, вменив сей несомненно бывший указ "яко не бывший". И не оказалось никакого гоголевского запорожца, который бы сумел разыскать "пропавшую

грамоту" и применить ее к делу, чтобы незаконно высланный за рубеж язык Котляревского и Шевченка был вновь водворен по месту своего рождения и старого жительства... И чтобы его отечество могло опять стать по праву духовным центром, привлекая в наши пределы культурные симпатии зарубежных соплеменников, вместо того чтобы отталкивать их за рубеж.

Всякий, кто дал бы себе труд проследить эту маленькую историю о празднике Котляревского в Полтаве по отголоскам в русской печати, — легко убедится, что подавляющее большинство органов ее отнеслось с горечью и осуждением к этому поистине вандальскому акту. С теми же чувствами горечи и осуждения русское общество относится к дальнейшим проявлениям того же вандализма, сказывавшегося в последующие годы в виде закрытия просветительных учреждений, газет и журналов на украинском языке и объявления "мазепинством" самых законных элементарно-культурных стремлений украинцев.

Если бы в наше время люди были более суеверны, то, без сомнения, возникла бы легенда о том, что на мазепинском дворище, по одну сторону собора, старый изменник гетман заливается по ночам адским хохотом над своим соседом, благонамеренным русским чиновником Котляревским, сохранившим в сердце неблагонамеренно пламенную любовь к родному слову и за это оказавшимся мазепинцем и крамольником. Кстати же, дом Котляревского приютился над кручей горы по другую сторону собора. Превосходная тема для фантастической поэмы в самом "неблагонадежном роде", материал для которой старательно подобран иждивением и стараниями бюрократии.

Так среди неразумных репрессий и давления по отношению к украинскому слову мы подошли к последним годам. С запада надвинулись события, толкнувшие в наши пределы тысячи зарубежных галичан, уже не для культурного паломничества, а загнанных военной грозой... И обстоятельства этой войны, которая решает вопросы им ков, — застают нас врасплох. И решаются они опять, непрямым путем, при

участии гласного обсуждения и компетентных решений, а внезапными импровизациями, силою фактов, проскальзывающих под шумок.

А было бы так важно отыскать, наконец, "пропавшую" грамоту", освежить ее разумные правовые источники. Иначе опять "под шумок" может быть сделана роковая непоправимая ошибка. И курьезная административная нелепость, раз уже отмененная сенатом, может сделаться эпиграфом для целой политической полосы, создающим свои мрачные прецеденты, вопреки более компетентным, благожелательным и разумным обещаниям".